

Борис Житков

Три слона

рисунки Н. Пырьса

ЛЕНГЛЗ 1926 ЛЕНИНГРАД

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал, и никак не мог заснуть: все думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли, и только завтра можно его раскупорить. Все думал — вот утром сразу открою глаза — и индусы, черные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то, что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый — все зашевелится, заиграет. И слоны! Главное, слонов мне хотелось посмотреть. Все не верилось, что они там не так как в Зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада прет.

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпенья чесались. Ведь это, знаете, когда сухой едешь, — совсем не то: видишь, как все постепенно меняется. А тут две недели океан — вода и вода — и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

На утро затонали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну — готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки, в них черные люди в белых чалмах, зубами блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмет, кажется, светом давит. Тут я как с ума сошел, задохнулся прямо: как будто я — не я, и все это сказка. Есть ничего с утра

не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду, на берег отпустите скорей!

Выскачили вдвоем на берег. В порту, в городе все бурлит, кипит, народ толчется, а мы, как околтелые, и не знаем, что смотреть и не идем, а будто нас что несет (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше — очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазами по сторонам — и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идет. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придем куда-нибудь.

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко.

Солнце над самой маковкой стоит, тени от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идешь и тень свою топчешь.

Порядочно уж прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят, бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идет по дороге, мне казалось, что из Зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нем никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Моганет раз хоботом — и готово. А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, кто их знает? И стал.

Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на зтот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил еще двоих сразу, а третий был маленький, лет четырех, должно-быть — на нем только рубашенка была коротенькая, в роде лифчика. Слон ему подставляет хобот — иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит — не возьмешь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошел — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идет, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьется около ног, кривляется. И как раз когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! да так ловко — поймал его за рубашенку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок — нет уж! никаких тебе. Поднял слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, все еще воевать пробовал.

Мы поравнялись, идем стороной дороги, а слон с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на дому, на крыше.

Вот, думаю, здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу — слон тигра поймает, схватит хоботищем поперек живота, сдавит, швырнет выше дерева и, если на елочки не подцепит, все равно будет ногами топтать, пока в лепешку не растопчет.

А тут мальчишку взял, как козявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошел мимо нас, смотрим — сворачивает с дороги и попер в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян, — только ветки похрустывают, — перелез и пошел к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с нее обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится — будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошел, совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то! — смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет! Куда там — не пролезть через кусты: колючие и густые, путанные. Смотрим — слон в листьях хоботом шарит. Нашуupal этого маленького — он там, видно, обезьяной уцепился — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошел обратно. Мы за ним. Он идет и по временам оглядывается, на нас косится — чего, мол, свади идут какие-то.

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орет на слона, — слон нехотя повернулся и пошел к колодцу. У колодца вырыты два столба, и между ними вьюшка, на ней веревка намотана и ручка сбоку. Смотрим — слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть: вертит, как будто пустую, вытащил — целая бадья там на веревке, ведер десять. Слон уперся корнем хобота в ручку, чтоб не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Баба набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка его опять начала ругать — слон пустил бадью в колодец,

тряхнул ушами и пошел прочь — не стал воду больше доставать; пошел под навес. А там в углу двора на хлибких столбиках навес был устроен — только-только слону под него подлезть. Сверху камышу накидано и каких-то листьев длинных. Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли посмотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы, все на мою русскую фуражку показывает.

Я говорю — русские.

А он и не знал, что такое русские.

— Не англичане?

Нет, говорю, не англичане. Он обрадовался, засмелся, сразу другой стал, позвал к себе.

А индусы англичан терпеть не могут: англичане давно уж их страну завоевали, распоряжаются там и индусов у себя под пяткой держат.

Я спрашиваю: чего это слон не выходит?

— А это он, говорит, обиделся и, значит, не зря. Теперь нипочем работать не станет, пока не отойдет.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку — и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдет. А индус смеется. Слон пошел к дереву, оперся боком и ну тереться. Дерево здоровое — прямо все ходуном ходит. Это он чешется, так, вот как свинья об забор. Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землей — как дунет! раз и еще и еще. Это он прочищает, чтоб не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твердая, как подошва, а в складках потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите какой: об столбик в сарае не чешется, чтоб не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу: какой он у тебя умный.

А он хохочет: ну, говорит, если б я полтора года лет прожил, не тому еще выучился бы. А он — показывает на слона — моего деда нянчил.

Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный.

Я говорю — старый он у тебя.

— Нет, говорит, ему полтора года лет, он в самой поре; вон у меня слоненок есть, его сын — 20 лет ему — совсем ребенок; к 40 годам только в силу входить начинает. Вот погодите придет слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха и с ней слоненок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребенок, шел.

Ребята индусовы бросили матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться, слон тоже пошел, слониха и слоненок с ними.

Индус объясняет, что на речку.

Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились, все пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал — все мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может-быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пранный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток — быстрой, так и мчит, так берег и гложет. Е воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слоненка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоем мыть.

Наберут со дна песку с водой в хобот и как из кишки его поливают.

Здорово так — только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть — больно уж быстрое течение — унесет. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочем, он даже внимания не обращает — все своего слоненка моет. Потом смотрю — набрал в хобот воды и вдруг как повернет на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струей — тот так и сел.

Хохочет — заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята еще пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясет: не приставайте, мол, видите — некогда баловаться! — и, как раз когда мальчишки не ждали, думали он водой на слоненка дунет, он сразу хобот повернул да в них.

Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег, слоненок ему хобот протянул, как руку. Слон задел свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезти.

Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагроможден целый город тесанных бревен: штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут же стоял

один слон. И сразу видно было, что он уж совсем старик — кожа на нем совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызанные какие-то. Смотрю — из лесу идет другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтесанный. Пудов, должно-быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно — как плотник на постройке!

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик; он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушел, не спеша, в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: „надоело мне это, и не глядел бы“.

А из лесу идет уже третий слон с бревном.

Мы туда, откуда выходили слоны.

Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели.

Слоны с лесных разработок таскали эти бревна к речке. В одном месте у дороги — два дерева по бокам да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдет до этого места, опустит бревно на землю, повернет бревно вдоль дороги, присядет на передние колена, подвернет хобот — и самым носом, самым корнем-то хобота толкает бревно вперед. Земля, каменья летят, трет и пашет бревно землю, а слон ползет и пихает. Видно, как трудно ему на коленках ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берется. Опять повернет его поперек дороги, опять на колени. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Гляди, снова уже встал и несет. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь — всех слонов-носильщиков, и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползали на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

Цена 50 к.